

Писатель, врач, казак и общественник

Все это – грани личности нашего земляка Александра Тутова. О его биографии спросил соавтор нескольких книг на злободневные темы, изданных в Архангельске и Москве, журналист Анатолий Беднов. Материал поступил в редакцию «ВК» еще летом в редакцию «ВК» еще летом и сегодня, после ухода Александра Николаевича, звучит как его исповедь.

– Многие не знают моей биографии, потому что разные журналисты пишут по-разному – так начал рассказ о себе архангельский писатель, автор многих художественных произведений и книг по медицине (это его основная профессия) Александр Николаевич Тутов.

– Если бы только в СМИ были неточности. Даже «Поморская энциклопедия» искажила многие факты биографии. Хотя уж в ней-то должно быть стопроцентно достоверная информация.

– И «Поморская энциклопедия» переврала все, сделала из меня вундеркинда, который в 11 лет окончил медицинский институт (год окончания Архангельского медицинского института указали совсем нетот). Названия книг перепутали. И самое обидное – неверно указали мою профессию. Я – врач-невролог и мануальный терапевт. А написали, что психиатр. Это огромная разница. Я не собираюсь быть ни психиатром, ни проктологом, ни стоматологом. Специально выбрал неврологию как одну из самых сложных медицинских специальностей, а мануальную терапию – как одно из лучших средств лечения неврологических заболеваний.

Это не значит, что другие профессии не уважаю: каждому свое. Это принципиально.

– Начнем, наверное, с родовых истоков.

– Я происхожу из старинного казачьего рода. Мои предки еще в XVII веке охраняли Засечную черту.

– Как и мои, только они службу несли на другом участке оборонительной линии, в Михайлове. А кто были Тутовы по происхождению, социальному статусу?

– Боярские дети Тутовы, которые потом перешли в казачество. Во мне есть какой-то элемент и кабардинской крови. Казаки смешивались с горскими народами, брали в жены турчанок, татарок, черкешенок, кабардинок. Может быть, поэтому у нас в роду все темноволосые, хотя глаза, как это ни странно, светлые. В Гражданскую войну один мой дед – Никита – сражался на стороне красных, был командиром «Чертовой сотни», а другой – полковник Петр Тутов – был командиром дивизии у белых.

Мой папа был директором завода, поэтому некоторые говорят, что я из «мажоров». Но я не был таким, потому что получил от отца достаточно серьезное воспитание. У меня первый магнитофон появился, когда я уже в институте учился – заработал в стройотряде.

Родители о моем воспитании заботились, но не баловали. Мама – фельдшер. Может быть, поэтому я выбрал медицину. Назвали меня в честь маминого деда – он воевал в Финскую войну, стал там инвалидом, но всю жизнь работал бакенщиком. Бабушка по маминой линии Александра Васильевна Митяшина была из села Слободчиково Ленского района. Я, когда был маленький, все обещал ее вылечить и вставить зубки. Потом ее неправильно лечили: думали – язвенная болезнь, а оказалось – инфаркт, и тогда я окончательно решил, что должен лечить людей, чтобы было как можно меньше ошибок. За 26 лет медицинского стажа я два-три раза ошибся, и то это не имело серьезных последствий для пациента. Или это, увы, уже не имело значения.

– Наверное, за 26 лет практики случались неординарные ситуации?

– Однажды, еще в студенческие годы, когда мы работали в колхозе, на моих глазах девочка поперхнулась, стала задыхаться, и я умудрился перочинным ножом вскрыть трахею и вставил носиком чайник, чтобы она смогла дышать. Все закончилось благополучно. Это было много лет назад. Мне потом много таких неожиданных решений приходило в голову. При этом сначала делал,

а потом боялся. Особенно в экстремальной военно-полевой обстановке. Хотя для моего здоровья это не всегда заканчивалось благополучно. У меня три ножевых ранения, одна контузия, повреждение левого тазобедренного сустава, три рубленые раны, даже было заражение крови – напрямую переливал свою кровь умиравшему.

– Глаза боятся, руки делают?

– Да. Поэтому мне повезло и во время боевых действий в бывшей Югославии. Хотя моя книга и называется «Русские в Сараево», сам я был под Вуковарами, на территории нынешней Хорватии. Так как я писал именно художественную книжку, а не мемуары, то решил более широко осветить эти события. Кстати, отличные мемуары о войне на Балканах у Олега Валедцкого, с которым мы давно дружим.

– А когда случился первый литературный опыт?

– Писать начал в 12 лет, первая публикация была в 16. Всего у меня уже три десятка книг вышло. Думаю, в ближайшее время выйдет еще целая партия книг.

У меня есть и медицинская литература, учебник сейчас готовлю по практическому массажу, есть и публицистика, и историческая, и фантастическая литература, и фэнтезийная, и военная, и сказочная проза. Года полтора толком не писалось, потому что работа занимала большую часть времени. Сейчас оживился, пишу вторую книгу о Югославии, третий сказочный детИктив (именно детИктив) про Потапыча и Мишу. В ближайшее время надо делать книгу о Спарте.

– Про Спарту всем вроде бы известно, написаны горы литературы – и научной, и художественной. Что же нового можно рассказать о спартанцах?

– Большинство людей настоящую историю Спарты не знают. Например, в учебниках пишут о выкидышах младенцев в ущелье. Но

там раскопки проводились, и останков их не найдено. Я считаю, что некоторые спартанские идеалы нам как раз подходят.

– А чем новый учебник по массажу будет отличаться от существующих? Также ведь много литературы издано на эту тему.

– Интерес к будущему учебнику по массажной и мануальной терапии велик. Мне есть что рассказать людям, я сам эти методы отработывал. Сейчас преподаю массаж в медуниверситете. Желаящих учиться много, потому что я учу прежде всего работать, а не только теории. А в учебнике будут в основном разработанные мною приемы воздействия, которые идут вразрез с общепринятыми классическими правилами. В массаже «классика» устарела и стала малоэффективна, она больше для косметического, спортивного и вспомогательного воздействия. Я же считаю, что во многих случаях заболевания можно лечить одними руками.

– В свободное от работы и писательского труда время есть какие-то увлечения, хобби?

– Увлечений у меня было много. Притом каких-то стандартных, так называемых мужских (охота, рыбалка), нет. Я стараюсь путешествовать, хотя мне трудно много ходить пешком – последствия ранения сказались. Жизнь получилась такая экстремальная.

– Спортивный внешний вид – это следствие занятий историческим фехтованием?

– Я много занимался историческим фехтованием, проводил первый исторический фестиваль «Нордкон». Результаты у меня неплохие – выиграл около 30 турниров различного уровня, в том числе международного (СНГ). Тогда, к сожалению, не было чемпионата мира, который теперь называется «Битвой наций». Некоторые мои ровесники до сих пор участвуют в соревнованиях. А я

сейчас не участвую, так как мануальному терапевту надо беречь руки. Продолжаю увлекаться боевыми искусствами: нож, мачете, испанская рапира, а вот от мечей и доспехов пришлось отказаться.

– Дети идут по стопам отца (медицина, творчество, спорт) или у них свои пути в жизни?

– У меня два сына и две дочери. Я рано стал дедушкой. Сын Сергей получил высшее образование. Никита учится на финансово-экономическом. Младшая дочь Милана работает в Москве на детском телевидении и там же учится в школе. Мой старший внук Сергей – дважды чемпион города по классической борьбе.

– Работа врача и литературный труд оставляют место для общественной деятельности?

– Хотя я и не помор, но организовал практически все поморские праздники. В конце 90-х проводил конкурс «Поморская красавица» – очень успешный праздник. К сожалению, когда я ушел, он прекратился. Ледоходные гуляния, Поморский Новый год – я организовал первые два. У меня на него авторское право, но пусть занимаются желающие. Праздник поморской семги тоже приходилось делать.

Я защищаю поморов, потому что их обвиняют в сепаратизме. Городские поморы нужны, чтобы жители поморских сел могли нормально ловить рыбу, сохранять свой жизненный уклад. Это не нравится некоторым компаниям, которые России не принадлежат, при этом они забили весь Русский Север, вырыли котлованы, загубили нерестовые речки семги. Поэтому я переживаю за местное население. Считаю, что если ты живешь и работаешь на какой-то территории, надо делать так, чтобы народу на ней жилось лучше. Мы стараемся, чтобы казаки и поморы дружили. Они заинтересованы в одном и том же. Такое чувство, что кто-то боится поморов и ка-

заков, потому что если они объединятся, то будут требовать более нормальных условий для проживания.

Продолжаю заниматься краеведением, темами Ермака и землепроходцев. Почти все они выходцы из Архангельской области. Поддержки со стороны власти нет, все приходится пробивать самому. Если бы проекты «Ермак-регион» и «Родина землепроходцев» были реализованы, это могло бы улучшить и туристическую ситуацию.

– Тема землепроходцев напрямую связана с темой казачества. Многие ушкуйники ушли с Севера на Дон, сибирское казачество формировалось в основном из поморов. Семен Дежнев и другие выходцы из Поморья были казаками.

– Я родовой казак по отцу, войсковой старшина, атаманом становиться не хочу. Просто нет времени на это, так как занят лечением людей. Хотелось бы попутешествовать по стране, лучше изучить экономическую ситуацию. Наши жители после всех перенесенных ими испытаний заслуживают гораздо большего. Это тоже общественная деятельность, которую я не собираюсь прекращать. Считаю, что прежде всего надо заботиться о возрождении здравоохранения. У нас очень много талантливых врачей, но они в основном моего возраста и старше. Надо учить новых врачей, но не по американской методике, а по той, которая существовала в СССР, с учетом новых медицинских достижений. Вернуть серьезное практическое обучение. Не зря кубинская медицина входит в тройку лучших в мире. А ведь учились кубинцы у советской медицинской школы.

– Многие великие писатели прошлого были врачами: Чехов, Булгаков...

– Вообще надо перечитать Конана Дойла, который тоже был врачом. Его произведения учат дедуктивному методу, а он помогает поставить правильный диагноз.